

СТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 10
15 МАЯ
1908 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ III

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

С.-Петербургъ, Площадь Маринскаго театра, 6.

А. Купринъ. „Слонъ“ разсказъ для дѣтей съ иллюстраціями. Цѣна **25** к.

И. Манасвина. Разсказы для дѣтей. Иллюстраціи художниковъ: *Т. Гиппиусъ, В. Замирайло, А. Лидеманъ, А. Мурашко, М. Сабашниковой, П. Соловьевой, (Allegro) и Е. Чичаговой.* Цѣна въ переплетѣ **1** р. **50** коп.

П. Соловьевой (Allegro). „Елка“. Стихи для дѣтей, съ рисунками автора, *Т. Гиппиусъ* и др. Цѣна въ переплетѣ **1** р., въ обложкѣ **50** к.

М. С. Безобразова. „Исторія одного воробья“. Съ иллюстраціями. Цѣна **25** коп.

В. П. Поливанова. Разсказы „Воронъ“. — „Индѣйцы“. Съ иллюстраціями. Цѣна **25** коп.

Анатолий Франсъ. „Пчелва“. Сказка. Переводъ *Н. Манасвиной.* Съ иллюстраціями *Allegro.* Цѣна **25** коп.

Allegro. Открытки въ ерасказѣ „Дѣти эпимой“. Серія въ 12 открытокъ высылается черезъ редакцію за **40** к., подписчикамъ «Тропинки» за **25** к.

В. Малахѣева-Мировичъ. „Золотой домъ“. Разсказы для дѣтей съ иллюстраціями. Цѣна въ переплетѣ **1** р. **50** к., въ обложкѣ **1** р.

О. Бѣляевская. „Капель“. Стихи. Цѣна въ переплетѣ **75** к., въ обложкѣ **40** к.

Выписывающіе книги и открытки черезъ редакцію, за пересылку не платятъ.

1908 годъ

Май № 10.

ЖУРНАЛЪ

ТРОПИНКА.

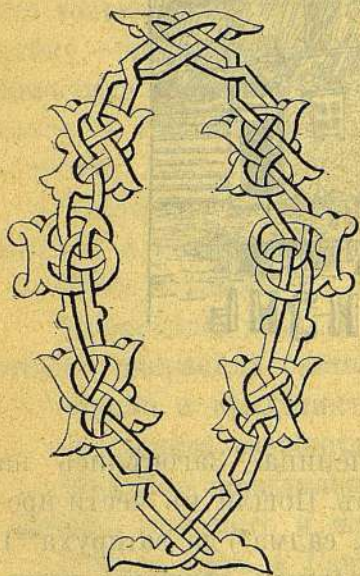

Содержаніе.

1. Золотое слово—стихотвореніе *К. Бальмонта*.
2. Ганьдейкина жизнь—(продолженіе)—повѣсть *Ив. Кондурушкина*.
3. Де-Амичисъ—*Евг. Соловьёвой*.
4. Старикъ—разсказъ *Е. Воложковой*.
5. Майскій жукъ—*К. Соколова*.
6. Голосъ природы—повѣсть Джэка Лондона. (Call of the Wild. By Jack London). Продолженіе.
7. Чудесный заяцъ—картинки со стихами.

Золотое слово.

СЕНЬ обѣщала: „Я озолочу.“

А Зима сказала: „Какъ я захочу.“

А весна сказала: „Ну-ка, ну, Зима.“

И Весна настала. Всюду кутерьма.

Солнце золотится. Лютикъ—золотой,

Рѣчка серебрится и шалить водой.

Разлилась на волѣ, залила луга,

Затопила поле, стерла берега.

Тамъ, гдѣ не достала — лютикъ

золотой,

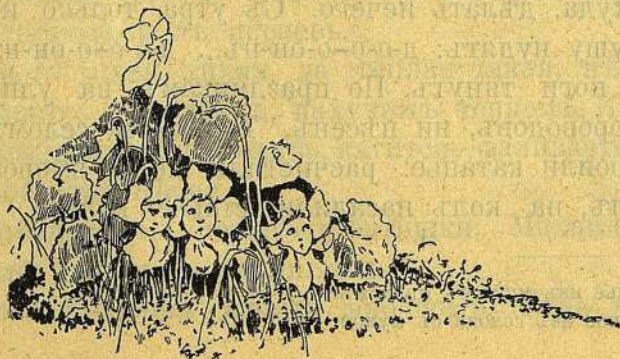
Желтый одуванчикъ, будетъ и

сѣдой.

Осень обѣщала. Помогла Весна.

Ну, Зима, пропала, хоть была сильна.

К. Бальмонтъ.

V.

Зима къ концу, прошла и масленица. Заговѣлись на хрѣнь, на рѣдку, да на кислый квасъ. Пошли въ чести простыя щи съ зеленой капустой, кулага, салма*) да затируха**).

Наварить Михѣвна кулаги полведерный горшокъ, поставить цѣликомъ на столъ, и облѣпать горшокъ ребята, какъ мухи; съ головой туда улѣзутъ. Великій постъ всѣмъ кажется такимъ длиннымъ, словно никогда и конца ему не будетъ. Ходить некуда, дѣлать нечего. Съ утра только и слышно—звонять, душу нудять: д-о-о-о-он-нѣ... д-о-о-о-он-нѣ!.. Словно занозу изъ ноги тянуть. По праздникамъ на улицахъ тихо: нѣтъ ни хороводовъ, ни пѣсень. Только за селомъ, на рѣкѣ ребята устроили катанье: расчистили ледъ, вморозили деревянный колъ, на колъ насадили старое колесо, къ колесу

*) Кушанье изъ муки съ масломъ.

***) Кушанье изъ солода съ мукой.

длинную оглоблю по землѣ привязали, а къ оглоблѣ обмороженный остовъ отъ ручного сита—„ледянку“. Вертятъ колесо на колу воткнутыми между спиць длинными палками двое или трое, и летаетъ ледянка по кругу съ такой быстротой, что только слѣдить глазами успѣвай. Кто ни сядетъ на ледянку,—не удержится, комомъ отлетитъ въ сторону на второмъ или третьемъ оборотѣ. На все село крикъ и шумъ на кругу, и Гандя до вечера торчитъ тамъ, не чувствуя холода и вѣтра.

Тянулся, тянулся Великій Постъ, словно старая баба, плелся, а все-таки прошелъ.

Вотъ и Пасха.

Почистила, помыла Михѣвна избушку, куличокъ испекла, яичекъ нарасила растворомъ луковой шелухи и успокоилась:

Можно и праздникъ Христовъ по-людски встрѣтить.

Съ вечера зазвонили на „стоянье“.

Михайло нарядился въ новую рубашку, волосы коровьимъ масломъ намазалъ и пошелъ въ церковь „Дѣянья“ слушать.

Убрала мать и Гандю: вымыла, вычистила, новые порточки и поясокъ аѳонскій достала, совсѣмъ приготовила къ утрени. Легли ребята прикорнуть покуда до благовѣста.

Ровно въ 12 часовъ ночи бухнулъ колоколь. Живо повскакали ребяташки, словно ихъ шиломъ подкололи, умылись, захватили свѣчки, и въ церковь.

А ночь-то тихая, тихая да теплая такая, нѣжная. Чуть слышно дышитъ ласковымъ, пахучимъ тепломъ. И среди этой теплой тишины гуломъ гудитъ, катится—заливается колокольная широкогорлая пѣсня.

Чуть продрались впередъ ребяташки. Михайла взялъ на руки Гандю, чтобы не растоптали.

Церковь до-полна набита народомъ. Лица у всѣхъ го-

рять, сіяють, и у каждаго въ рукахъ свѣчка. Свѣчи пляшутъ яркимъ, розовымъ пламенемъ. Пѣвчіе радостно, безудержно рывкаютъ съ хоръ, словно имъ и дѣла ни до кого нѣтъ. По всей церкви крутится веселый, пасхальный напѣвъ, выскакиваетъ въ спокойную тьму и тормошитъ ее шумно, озорливо.

Кончилась утренняя, и тотчасъ ударили къ обѣднѣ.

День еще только очи раскрывалъ, а ужъ народъ расходился изъ церкви по домамъ разговляться. Чуть на ногахъ стояли ребята, когда вернулись изъ церкви. Отъ усталости носомъ клевали. Ганьдю отецъ принесъ на рукахъ соннаго, румянаго. Сѣли разговляться. Разрѣзали освященный куличъ и яйцо на семь частей, каждому по-ровну. Закусили, и ткнулись ребята съ отцемъ спать.

Михѣвна затопила печь и принялась ѣду стряпать.

Михайла, ради праздника, взялъ у мясника бычью голову за двугривенный, и вотъ теперь будутъ, значить, мясные щи у ребятишекъ. Моетъ Михѣвна мясо, а Васька-котъ вертится у ногъ: почуялъ мясной духъ. Толкнула его Михѣвна ногой:

— Иди, Васька, не до тебя. Сами, почестъ, съ полгода мяса не нюхали.

Поздно встали всѣ. Первымъ дѣломъ собрались пить чай. Вскипятила Михѣвна полведерный чугунокъ, кинула туда щепотъ чаю, что осталась еще отъ масленицы, и сѣли всѣ за столъ. А когда напились чаю и пообѣдали, достала Михѣвна изъ сундука картины и стала ихъ на стѣны приколачивать. Эти картины ей прислалъ лѣтъ 20 тому назадъ съ Аѳона какой-то родственникъ. И берегла ихъ Михѣвна, какъ глазъ. Круглый годъ въ сундукѣ держала, и только на Пасху, какъ образа носили по селу, картины вылѣзали на свѣтъ. Ребятишкамъ было одно удовольствіе разглядывать ихъ. Разныя тутъ

картины были. И о страшномъ судѣ. Эта особенно любопытная: въ самомъ пеклѣ чумазый дьяволъ сидитъ, у него на колѣнахъ Іуда съ кошелькомъ. Оцѣпили черти цѣпью и гонять къ черному дьяволу цѣлую роту грѣшниковъ: тутъ и цари, и князья, и бояре, и архіереи, и священники. Сзади всѣхъ мужичокъ, да и тотъ безъ штанишекъ, словно пропойца. Другая тоже интересная картина—„Федорины мытарства“. Здѣсь было такъ много чертей и такіе все гадючіе, что потомъ ребятамъ цѣлую недѣлю они одни и снились: толстые, брюхатые, языкатые, глазастые, зеленые, и у всѣхъ дымъ и огонь идетъ изъ носа, изъ ушей, изъ глазъ, изо рта. Смотрятъ, смотрятъ ребятишки и плеваться начнутъ.

На второй день Пасхи дошли иконы и до Михайлиной хаты. Вышелъ Михайла за ворота съ хлѣбомъ-солью, встрѣтилъ иконы, приложился. „Богоносцы“ *) пѣли охрипшими голосами:

„Христочъ воскресе изъ мертвыхъ“...

VI.

Пришелъ Троицынъ день.

Передъ праздникомъ Михѣвна вытопила пожарче печь, вымылись въ печи большіе и малые. Михайло изъ лѣсу березокъ привезъ, молоденькихъ, зелененькихъ; дѣвчонки травы и цвѣтовъ нарвали въ полѣ. Обставили березками хмурую, прислѣпую избу, а траву душистую, свѣжую по земляному полу раскидали. И словно раздвинулись стѣны избушки, и свѣтлѣе и радостнѣе стало.

А послѣ обѣдни по улицѣ, уставленной нѣжными, лип-

*) Носильщики иконъ.

кими березками, уже ходили ряженые, „женихъ и невѣста“. Ихъ провожали дѣвки и пѣли пѣсни. Разливистая, звонкая пѣсня вѣтромъ разносилась по селу; изъ края въ край ее слышно было:

— Вздымались пески, пески желтые... — пѣли дѣвки. И рассказывала пѣсня о томъ, какъ полюбилъ молодчикъ дѣвицу, какъ весело имъ жилось всю жизнь да ладненько; не было промежъ нихъ ни худого слова, ни косога взгляда. Рассказывала пѣсня и еще о многомъ другомъ, чего и совѣмъ не бываетъ въ жизни. Яркая, нарядная толпа пѣла, ликовала подь горячимъ небомъ, и солнце нѣжно заглядывалось на молодую радость.

Любовалось на своихъ дѣтей и старичье; должно быть, вспоминали, какъ и они когда-то были молоды.

Ганьдя съ сестрами тоже тутъ. Онъ и въ лѣсъ ходилъ вѣнки завивать и теперь идетъ къ рѣкѣ смотрѣть, какъ будутъ вѣнки въ водѣ топить.

VII.

На шестомъ году жизни Ганьдѣ пришлось пережить первое крупное горе: выдали замужъ его старшую любимую сестру. Дуня всегда была за него первая заступница и часто спасала озорливаго Ганьдю отъ отцовскихъ колотушекъ.

Мальчуга любилъ сестру, чуть не больше матери.

И вотъ теперь Дуня уходитъ изъ дома съ чужимъ человекомъ.

Дуню повѣнчали, и она ушла изъ отцовскаго дома въ чужой домъ.

Ганьдя тосковалъ безъ сестры и часто ходилъ къ ней. Ему все казалось, что Василій, мужъ Дуни, ее мучаетъ, и

потому Гандя не любилъ Василія. А Василій нарочно дразнилъ Гандю, и когда онъ приходилъ къ сестрѣ, Василій бралъ со стѣны ружье и цѣлился въ Дуню. Та смѣялась, а Гандя плакалъ и кидался съ кулаками на Василія. Наконецъ, Гандѣ стало не въ мочь жить безъ сестры, онъ сказалъ ей однажды:

— Я, Дуня, къ тебѣ въ шинки пойду.

Дуня разсмѣялась и спрашиваетъ Гандю:

— А маму тебѣ не жалко будетъ?

Гандѣ и маму было жалко, а все-таки онъ остался у Дуни и цѣлый день не ходилъ домой. Вечеромъ пошелъ и говорить матери:

— Мама, давай мнѣ мои порточки, я уйду къ Дунѣ въ шинки.

— А кто-же, Гандя, за мной будетъ корки подвѣдать?

Мать у Ганди была беззубая.

Гандѣ стало жалко мать, и онъ заплакалъ, а все-таки не сдался: забралъ все свое имущество: порточки, рубашенки, хотѣлъ и Ваську кота забрать, да сестра Полюшка не дала.

Пришелъ Гандя къ сестрѣ, сѣлъ ужинать, и вдругъ ему скучно стало. Захотѣлось посмотрѣть, какъ тамъ дома — тоже, должно быть, ужинаютъ? Потихоньку вышелъ Гандя изъ избы, прибѣжалъ подъ окно къ своимъ; а они все за столомъ сидятъ. Съ краю отецъ, рядомъ мать, а за ней Полюшка. А съ Полюшкой рядомъ постоянно Гандя сидѣлъ. И вдругъ,

Гандя уходитъ къ Дунѣ
„въ шинки“.

жалко ихъ всѣхъ стало Ганьдѣ, да такъ жалко, что упалъ онъ тутъ-же подъ окномъ и заплакалъ. Выбѣжала мать и внесла его въ избу:

— Ну, что ты, дурачекъ, что ты?

Бѣдный ужинъ. Картина Максимова.

— Да я ужъ не вашъ, а мнѣ тамъ скучно,—плачетъ Гандя.

А мать и смѣется и цѣлуетъ его.

VIII.

Шести лѣтъ Гандя поѣхалъ весною въ поле. Отецъ разсѣвалъ, а Гандя верхомъ на лошади заборанивалъ. Вече-

ромъ отецъ отправлялся кормить лошадь къ лѣсу, а Гандя убѣгалъ на сосѣдній станъ, куда приходилъ лошадиный па-стухъ Гаврила и рассказывалъ разныя страшныя вещи про колдуновъ, вѣдьмъ, оборотней и про другую нечисть. И ребя-тишки, и взрослые облѣпять Гаврилу, и до поздняго идетъ бесѣда. А потомъ разойдутся все по становьямъ, залягутъ на солому подъ телѣгу, а теплая весенняя ночь уже свѣтлѣетъ, и таетъ, и окрашивается розовымъ блекло-молочнымъ цвѣтомъ...

Когда кончался посѣвъ, Гандю отправляли въ поле пасти гусей. Кузька тоже забиралъ своихъ гусей, и товарищи гнали птицъ на луга. Тамъ они бросали гусей на свободу, а сами отправлялись къ слѣпому Павленку въ садъ за яблоками. Яблоки были еще зеленые и кислые, но такъ какъ они до-ставались со страхомъ, то и казались ничуть не хуже спѣлыхъ.

Иногда Павленокъ замѣчалъ ворюшекъ и изъ своего ша-лаша кричалъ на нихъ сильнымъ старческимъ голосомъ, гро-зилъ палкой.

Ворюшки улепетывали въ поле, придерживая карманы съ яблоками. Когда яблоки надоѣдали, друзья отправлялись въ верши *), воровать рыбу. Для этого нужно было раздѣться, залѣзть по горло въ воду. Верши были тяжелыя и грязныя, а рыба попадалась маленькая и невкусная.

Иногда ихъ замѣчалъ хозяинъ верши, Яковъ, здоровый рыжій мужикъ.

Ворюшки удирали отъ него съ крикомъ, съ плачемъ, но Яковъ догонялъ ихъ и дралъ обоихъ за уши. Боль скоро проходила, и товарищи смѣялись и радовались, что Яковъ еще добрый и не сказалъ отцамъ, а то-бы имъ было ой-ой-ой!...

Иногда пріятели гнали съ утра гусей къ лѣсу, пускали

---

*) Плетеныя корзины, въ формѣ воронки, изъ прутьевъ.

на пастьбу, а сами ложились въ тѣнь подъ деревья, и началась бесѣда.

Разсказывалъ больше Гандя. Онъ отъ матери зналъ много сказокъ разныхъ: и о Кобылицѣ-Златаницѣ, и о Свинкѣ-Золотой Щетинкѣ, и о Бабѣ Ягѣ-Костяной Ногѣ; зналъ и про курдышей, что крадутъ по ночамъ сметану и носятъ во рту къ хозяйевамъ; зналъ и про летуновъ, что летаютъ надъ селомъ, вродѣ огненныхъ клубковъ, или ходятъ, вродѣ огненного стога сѣна, и много другого зналъ.

Теперь, днемъ, при яркомъ свѣтѣ, въ тихомъ, тепломъ лѣсу, всѣ эти рассказы были совсѣмъ не страшны; и разные курдыши, оборотни, лѣшіе казались близкими, знакомыми, только несчастливыми и обиженными кѣмъ-то сердитымъ и злымъ.

Если начинался дождь, Гандя и Кузька собирали гусей и гнали ихъ домой. Гуси грузно переваливались, сбивались съ дороги и кричали другъ на друга. Весенній дождь сразу усиливался и сѣкъ крупными, теплыми каплями Гандю, Кузьку и толстыхъ гусей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Де-Амичись.

Вы всѣ знаете „Дневникъ школьника“,—эту книгу и еще много другихъ написалъ Амичись. Въ этомъ году, 27 февраля онъ умеръ въ Италіи 62-хъ лѣтъ. Смерть его огорчила всѣхъ, но особенно итальянскихъ дѣтей. Всѣ они понимали, что умеръ тотъ, кто писалъ съ такою любовью о дѣтяхъ, писалъ такъ интересно, что книгу „Дневникъ школьника“ перевели почти на всѣ европейскіе языки и ее знаютъ почти всѣ читающія дѣти. (Эта книга въ Италіи вышла 100-ымъ изданіемъ 4 года тому назадъ). На могилѣ, среди многихъ вѣнковъ, особенно выдѣлялся одинъ громадный бѣлый съ надписью: „Отъ дѣтей Италіи, которыя не забудутъ тебя, дорогой писатель“.

Во всѣхъ школахъ дѣтямъ рассказали о жизни любимаго Де-Амичись.

— Еще въ дѣтствѣ онъ отличался большими способностями; учился онъ легко и всегда прекрасно. Въ школѣ онъ былъ благороднымъ и смѣлымъ мальчикомъ, защищалъ всѣхъ несчастныхъ и слабыхъ дѣтей.

На долю его выпало большое счастье: все свое дѣтство онъ провелъ съ горячо любившей его матерью; отъ нея онъ получалъ только ласки, только нѣжную заботливость, только теплое участіе, и эта ласка, нѣжность и теплота удерживали его отъ многихъ дурныхъ поступковъ. Поэтому слово „мать“ ему казалось такимъ прекраснымъ и священнымъ.

Матери всѣхъ дѣтей, которыхъ онъ описывалъ, достойны преклоненія, и въ книжкѣ его вы найдете такія слова:

— Любовь матери—лучшее, священнѣйшее изъ чувствъ человѣка! Горе тому, кто утратить его! Убийца, хоть нѣсколько уважающій свою мать, еще не утратилъ всей честности и благородства; величайшій изъ людей—ничтоженъ и низокъ, если огорчить свою мать.

— Учился Амичисъ въ итальянской городской школѣ, объ ней мы узнаемъ изъ его „Дневника“. Туда приводятъ самыхъ разнообразныхъ дѣтей: въ день пріема въ одной и той-же передней „стоятъ дамы, простыя крестьянки, рабочіе, офицеры, служанки, аристократы, солдаты и всѣ съ дѣтьми и прошеніями въ рукахъ“. И всѣ эти дѣти садятся рядомъ на школьныхъ скамьяхъ, становятся близкими товарищами, друзьями, узнаютъ все другъ о другѣ, и многому научаются они здѣсь въ этой дружеской школѣ жизни.

Тутъ учителя заповѣдываютъ ученикамъ:

— Книга—твое оружіе. Классъ—твой полкъ. Поле битвы—вселенная. Побѣда—просвѣщеніе. — Съ этою заповѣдью каждый ученикъ прощается со школой, выходитъ въ жизнь, чтобы быть такимъ же товарищемъ и братомъ всѣхъ людей, какимъ былъ въ школѣ.—Чтобы выступить на защиту своей родины, Амичисъ поступилъ на военную службу, 20-ти лѣтъ онъ поразилъ всѣхъ своею отвагой въ битвѣ при Кустоццѣ (1866 г.), но оставаться въ военной службѣ ему стало тяжело, и онъ покинулъ ее съ тѣмъ, чтобы всѣмъ рассказать о невыносимомъ положеніи военныхъ. Всѣ обратили вниманіе на его рассказы: „Жизнь военныхъ“, такъ горячо были они написаны, и послѣ нихъ многое въ жизни военныхъ Италіи измѣнилось къ лучшему.

Потомъ онъ увлекся путешествіемъ и побывалъ въ многихъ странахъ: въ Испаніи, Голландіи, Африкѣ, Турціи, Америкѣ,—всюду наблюдалъ, приглядывался, знакомился съ раз-

ными людьми и описывалъ свои впечатлѣнія. Онъ провелъ тревожную жизнь, много переиспыталъ, много повидалъ, за многихъ перестрадалъ, но сердце его до старости, до послѣднихъ дней осталось такимъ-же, какое было и въ молодости. И незадолго до смерти онъ еще повторялъ всѣмъ:

— Не забывайте помогать беспомощному старику, голодной матери и бездомному ребенку.—Это самыя тяжелыя положенія.

Изъ его книгъ дѣти могутъ прочесть:

„Дневникъ школьника“, переводъ Крестовской. Эта-же книга: „Школьные товарищи“ въ переводѣ Ульяновой и еще: „Записки школьника“, — съ предисловіемъ Песковскаго. (На итальянскомъ языкѣ эта книга называется „Сердце“) „Аппенины и Анды“—или „Къ матери въ Америку“.

Евг. Соловьева.

Старикъ.

БЫЛО УЖЕ совѣмъ тепло, по весеннему, какъ вдругъ сразу повѣяло холодомъ, хотя дни и стояли по прежнему золотые.

— На черемуху захолодало, — говорили вчера вечеромъ, собравшись у нашей калитки.

Она только что расцвѣла; изъ сосѣднихъ огородовъ и садовъ смотрѣли бѣлоснѣжныя черемуховыя кудри; изъ - за ограды стараго монастырскаго сада, какъ нѣжныя бѣлыя облака, поднимались онѣ среди сумрачныхъ елей. У насъ на столахъ, на окнахъ бѣлѣли букеты цвѣтовъ, горькій запахъ струился по улицамъ, стоялъ въ комнатахъ. Бабушка раскрывала окна, жаловалась на головную боль и, наконецъ, совѣмъ запретила намъ таскать черемуху.

Мы жили на окраинѣ города. По нашей улицѣ цѣлые дни грохотали телѣги съ пескомъ и кирпичемъ. Всѣ бѣлые отъ пыли, шли мужики за возами, иногда трещали легкія пролетки извозчиковъ, пыль поднималась клубами, садилась на людей, на зеленую травку у забора, на золотые глазки одуванчиковъ. Въ нашемъ садикѣ уже были вскопаны клумбы, піоны вылѣзли изъ своей зимней колыбели густыми красными шапками и начали зеленѣть.

Въ синей вышинѣ цѣлые дни плыли и таяли золотыя облака, вечерами гудѣлъ колоколъ съ монастырской колокольни, пронзительно кричали стрижи надъ садами, не меньше кричали и мы, до глубокихъ сумерокъ бѣгая въ горѣлки.

Но все же нестерпимо хотѣлось за городъ, гдѣ шла и шумѣла настоящая весна.

Столяровъ Ѳедька, Сеня и Маша не разъ уже бѣгали туда. Вчера сторожъ Максимычъ, вернувшись съ дачи, долго рассказывалъ, какая въ поляхъ благодать

А насъ все не пускали. А тутъ еще холодно, такое горе!..

Но наконецъ вняли просьбамъ и рѣшили, что идемъ на дачу за три версты. Вышли утромъ шумно, весело. Насъ было много, а маленькихъ только я съ братомъ. Городомъ шли спокойно, но когда кончились послѣдніе дома, всѣ мы, и большіе и малые, такъ и понеслись впередъ.

Наша собака, Танталъ, словно обезумѣла отъ радости, стала описывать по лугу такіе круги, такіе зигзаги!.. Наконецъ мелькнула бѣлымъ пятномъ среди ржи и исчезла подъ горой.

Впереди былъ зеленый просторъ, шумѣли цѣлые океаны молодой зелени, по взгорьямъ тихо зыблилась еще красноватая рожь, неслись ослѣпительныя облака, звенѣли жаворонки, свѣжій вѣтеръ раскачивалъ длинныя кудри березъ, дымилъ пылью по дорогамъ, срывалъ шляпы и улеталъ къ синему озеру у темнаго бора.

Большіе, какъ пришли, такъ и засѣли на дачѣ, за то мы весь день были въ царствѣ весны: бѣгали къ старой часовнѣ въ тихомъ старомъ бору, слушали тамъ кукушку, собирали блѣдныя сиреневыя фіалки на мокрой лужайкѣ у озера, качались въ примкнутой къ дереву лодкѣ, забѣжали на пчельникъ послушать, какъ шумятъ пригрѣтыя солнцемъ золотыя пчелки, заглянули подъ стекла парниковъ въ огородѣ, нарвали букетъ душистыхъ нарциссовъ въ фруктовомъ старомъ саду, потомъ взобрались на качели.

Ухъ, какъ сладко замирало сердце, когда мы взлетали выше балкона, выше кустовъ бузины и сирени!..

Тогда видна была зеленая даль полей за постройками, дальняя рѣчка подь солнцемъ. Тогда мнѣ хотѣлось летѣть къ самому солнышку и пѣть, какъ птица!..

Возвращались домой уже поздно.

Вѣтеръ сложилъ крылья. Зажглись первыя звѣзды. Лѣсъ сталъ темень и тихъ, какъ въ сказкѣ.

Стало холодно, зябли руки, но было весело въ чистомъ воздухѣ. Мы бѣжали на перегонки, пѣли пѣсни, кричали „ау“... Эхо откликалось съ затихшаго яснаго озера.

Дядя Миша съ товарищемъ убѣжали впередъ на курганъ у дороги, и сейчасъ-же оттуда синей струйкой поднялся дымокъ и блеснулъ огонь. Мы всѣ бросились туда, стали собирать вѣтки, листья, ломать молодой ельникъ, и скоро огромный костеръ залилъ свѣтомъ площадку, освѣтилъ вершины деревъ за оврагомъ, зажегъ краснымъ свѣтомъ воду въ лужахъ у дороги.

Грѣлись, шумѣли, смѣялись, толкали другъ друга съ свѣтлой площадки въ обрывъ, чуть не загорѣлась отъ искры шляпа у тети, Миша ожегъ руку, устраивая изъ горящихъ головней огненное колесо.

Собрались уже уходить.

— Господа, господа, только одинъ послѣдній фейерверкъ!— и Миша, что было силы, встряхнулъ за конецъ горящаго хвоста. Цѣлый золотой вихрь искръ ослѣпительно взлетѣлъ и медленно потонулъ въ черной безднѣ неба.

Ярко вспыхнула вся площадка, тѣмъ чернѣе и глубже показалась за ней пропасть обрыва. И вдругъ, точно изъ подь земли, изъ этой темноты поднялась бѣлая фигура человѣка. Поднялась и остановилась. Безъ шапки, согнувшись въ три погибели подь огромной торбой, беспорядочнымъ движеніемъ рукъ онъ старался освободиться отъ тяжести.

Мы смолкли. Сбросилъ наконецъ ношу, сѣлъ на нее, отдышался, обвелъ насъ взглядомъ блѣдныхъ старческихъ глазъ. Робкая, слабая улыбка скользнула по безкровному лицу.

— Во, людюшки теплушко развели, спаси васъ Господи, спаси Господи—часто, часто закрестился онъ.

— А тебѣ что же, дѣдушка, холодно?—наклонился къ нему Миша.

— А?

— Холодно тебѣ?

Понялъ, закачалъ головой.

— Студено, родимые, студено, лысинѣ студено, шапку то обронилъ, гдѣ ее искать, шапку-то...

Замолчалъ, потомъ сталъ увязывать зачѣмъ-то торбу, она не слушалась, изъ нея рогозливо торчали сухія вѣтки.

— Зачѣмъ ты это таскаешь съ собой?

— Чево? Не слышу, глухъ я, родимый.

— Зачѣмъ это таскаешь съ собой?—громче повторилъ Миша.

— Хлѣбушка тутъ.

— А вѣтки зачѣмъ? Тяжело вѣдь.

— Тяжело. А погрѣться надо, а она сухая, за ручьемъ нашель.

— Откуда идешь, дѣдушка?

— Съ деревни.

— А далеко ли деревня?

— Деревня? Тутотка, эва!—И старикъ указалъ на чернѣвшую по ту сторону оврага кучу домиковъ.

Тамъ уже засвѣтились огни.

Деревня была въ двухъ верстахъ.

— Зачѣмъ же такъ поздно вышелъ?

— Да она говоритъ: „иди“.

— Кто она?

— Да хозяйка.

— Твоя что-ли хозяйка?

— Померши, кормилецъ, моя давно померши, всё померши. Такъ, чужая это. Пять день у ей лежалъ, спина болѣла, ноги; замокъ шибко. Говорить, иди, мѣста нѣтъ, сыны прїѣдутъ.

Пошелъ тропкой, ребятенки указали, а тутъ оврагъ этотъ, дороги не найду, утопъ было въ мочажинѣ, шапку обронилъ, гдѣ ее искать, шапку-то; замучился искавши. Вижу огонь; добрелъ сюда. Спаси васъ Господи..

Костерь потрескивалъ, курился, легкій вѣтерокъ налетѣлъ откуда-то, пахнулъ дымомъ. Всѣмъ стало горько отъ дыма. Дѣдъ закашлялся, кашлялъ долго-долго, думали, что не кончитъ.

— Куда-же ты теперь идешь, дѣдушка?

— А иду на Кресты, а тамъ на Бѣлую подамся.

— Да ты знаешь-ли, гдѣ Бѣлая? Сто верстъ отсюда.

— Сто?—Старикъ недоумѣло посмотрѣлъ покраснѣвшими глазами, потомъ поникъ головой.

— Люди говорили—меньше.

— Къ кому-же ты идешь тамъ?

— Дочка у меня тамъ, не родная, — крестовая, а тутъ никого, всё померши.

— Сколько-же тебѣ лѣтъ, дѣдушка?

— А Богъ знаетъ. Много. Девяносто годовъ есть.

Огонь слабѣлъ, замиралъ. Окрѣпшими руками дѣдъ сталъ развертывать мокрая онучи, потомъ, согнувъ старую спину съ усиленіемъ подтянулъ палкой высохшей корень къ огню; сталъ развѣшивать мокрая тряпки; отъ нихъ пошелъ паръ.

— Ночевать будешь тутъ?

— Ночевать, родимый.

— Ну, прощай, дѣдушка!..

И все мы, одинъ за другимъ, стали спускаться на дорогу. Сразу стало темно, чуть свѣтились далекія звѣзды, да впереди городъ мелькалъ желтыми огнями.

— А вѣдь костеръ, пожалуй, догоритъ, отдамъ-ка ему спички,—сказалъ Миша и исчезъ въ сумракъ, а черезъ минуты три, весь пахнущій дымомъ, уже стоялъ среди насъ.

— Ну, что онъ тамъ?—спросилъ кто-то.

— Да ничего. Я ему огонь поправилъ. Сидитъ, поджавъ босыя ноги, корку хлѣбную сосетъ, зубовъ вѣдь у него нѣтъ. Спичкамъ обрадовался какъ!

Мы оглянулись еще разъ на костеръ. Онъ ровно и ярко горѣлъ; на фонѣ краснаго свѣта рѣзкимъ силуэтомъ чернѣла одинокая фигура, и длинная тѣнь отъ нея ложилась далеко черезъ оврагъ.

Пошли тихо, посматривая на звѣзды, на приближающійся городъ. Танталъ вынырнулъ Богъ вѣсть откуда и устало плелся впередъ, бѣлѣя въ темнотѣ.

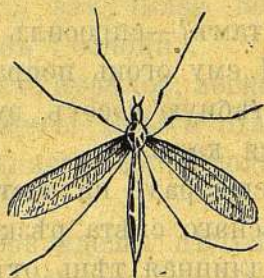
Вотъ и городъ. На улицахъ нѣтъ ѣзды, но еще много народу. Гуляютъ, не спится въ весеннюю ночь. У насъ калитка открыта. Дома шумно, кипитъ самоваръ, звенятъ посудой, пріѣхала тетя изъ деревни, привезла рѣдиси, масла, живыхъ куръ; вбѣжали мы съ цвѣтами, заговорили сразу въ нѣсколько голосовъ.

— Какъ воробы на бузинѣ,—смѣялся отецъ. Стали искать посуду для букетовъ, братъ Коля разбилъ кувшинъ, его бранили, смѣялись.

Стихло, наконецъ. Спущены бѣлыя шторы, нарциссы пах-

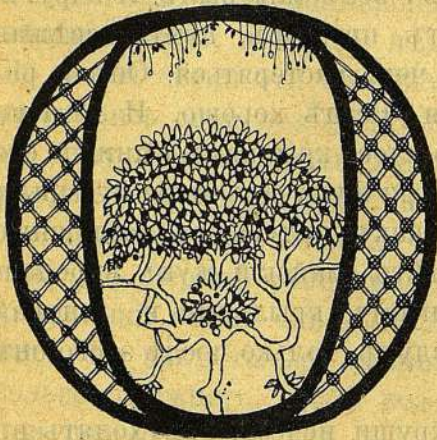
нуть весной; ночной сторожъ съ трещоткой обошелъ вокругъ нашего дома; чуть слышенъ одинокій звукъ его трещотки въ концѣ улицы; нѣтъ тамъ ни людей, ни огней, а въ полѣ темно, широко, звѣзды шевелятся въ небѣ, костеръ догорѣлъ, вѣрно... А старикъ?..

Е. Волочкова.

Майскій жукъ.

НЪ ЛЕТАЕТЪ такъ неуклюже, на все натывается и гудитъ, гудитъ безъ конца. У насъ зовутъ его хрущемъ или майскимъ жукомъ, потому что онъ появляется въ маѣ, нѣмцы называютъ его *Maikäfer*, тоже по мѣсяцу маю, а французы — *hanneton*. Слово *han-*

neton происходитъ отъ латинскаго слова, которое означаетъ „звучныя крылья носящій“. У хруща на нижней поверхности крыльевъ зазубринки, онъ трется объ эти зазубринки верхней поверхностью своего брюшка, и отъ этого происходитъ звукъ.

— Зумъ-зумъ, зумъ-зумъ раздается въ садахъ и въ поляхъ, и въ лугахъ, и повсюду, гдѣ только есть зелень. Это жукъ играетъ на своихъ крылышкахъ.

— Зумъ! — И вдругъ, точно струна оборвалась. Шлепнулся обо что-то, тяжело упалъ на землю. Стихъ, а потомъ опять залеталъ, загудѣлъ, обо все шлепается, на все натывается. Такой смѣшной, такой неловкій. У французовъ даже вошло въ поговорку про кого-нибудь ужъ очень разсѣяннаго говорить, что онъ „*étourdi, comme un hanneton*“. И смѣются всѣ надъ жукомъ, называютъ его глупымъ, а не всѣ знаютъ, почему онъ такой,

почему онъ съ виду не похожъ на другихъ степенныхъ жуковъ.

И совсѣмъ онъ не глупый, растерянный только. Да оно и не мудрено.

Цѣлыхъ три года онъ просидѣлъ подь землей. Скука, темнота; въ темнотѣ онъ и работаль—все землю рыль. И вдругъ, сразу куда попалъ. Солнце, свѣтъ, просторъ, цвѣты, свѣжая зелень, весна! Кажется, есть отъ чего растеряться. Онъ и растерялся. Туда, сюда ему хочется. Вездѣ хорошо. И летаетъ жукъ, а тѣло у него тяжелое, толстое, крыльямъ однимъ его бы и не поднять. Хорошо, что внутри жука есть такіе пузырьки и трубочки. Онъ ихъ надуетъ, какъ надувають воздушные шары, и полетитъ. Собираясь летѣть, майскій жукъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ двигаетъ крыльями и, вздувая брюшко, накачиваетъ въ себя воздухъ. Только послѣ этого онъ можетъ тронуться съ мѣста.

Пролетавъ цѣлый мѣсяць, хрущи исчезаютъ, уходятъ въ землю класть яйца.

Раньше чѣмъ положить яички, хрущъ долго летаетъ невысоко надъ землей, выбирая подходящее мѣсто для своихъ будущихъ дѣтей. Ему надо ихъ такъ устроить, чтобы имъ жилось хорошо и безъ него, чтобы вблизи было все, что имъ нужно. Онъ самъ имъ помогать не будетъ, потому что умереть раньше, чѣмъ личинки выползутъ изъ яичка.

И долго кружится майскій жукъ, невысоко поднимаясь надъ землей, все высматриваетъ, гдѣ бы приготовить гнѣздышко. Обыкновенно онъ выбираетъ для него рыхлую, унавоженную, хорошо освѣщенную солнцемъ землю, покрытую рѣдкой травой. Выбравъ мѣсто, онъ начинаетъ рыть и, уйдя въ землю на $\frac{1}{4}$ или на $\frac{1}{2}$ аршина, кладетъ кучкою отъ 20—30 желтовато-бѣлыхъ яичекъ, похожихъ на конопляныя сѣмячки.

Окончивъ свою работу, жукъ часто здѣсь же въ подземномъ ходѣ и умираетъ, а если и выбирается наружу, то живетъ очень недолго.

Изъ яичекъ черезъ шесть недѣль выходятъ личинки— бѣловато-желтые червячки, крохотныя созданья съ большимъ аппетитомъ. Едва родившись, онѣ сейчасъ же нападаютъ на нѣжные корни и цѣлое лѣто съ жадностью поѣдаютъ ихъ. До самой осени эти личинки держатся всѣ вмѣстѣ, а осенью, зарывшись одна возлѣ другой поглубже въ землю, цѣпенѣютъ на зиму. Весною опять оживаютъ и съ новымъ, еще большимъ аппетитомъ, набрасываются на корни.

Въ серединѣ мая личинка, выкопавъ себѣ отдѣльную ямку, въ первый разъ мѣняетъ свою шкурку — линяетъ. На это у личинки идетъ отъ 4—6 дней. Въ это время она ничего не ѣстъ, но какъ только линяніе кончилось, ѣстъ вдвое и втрое больше прежняго, чтобы возстановить потерю силъ, ушедшихъ при перемѣнѣ шкурки.

Теперь личинки дѣлаются самостоятельнѣе, и вся семья разбредается, но особенно далекихъ путешествій не предпринимаетъ. Личинки всегда остаются въ окрестностяхъ мѣсто-рожденія, выбранныхъ ихъ матерью. Двигаться онѣ не любятъ, а ѣда у нихъ по близости. Это все, что имъ нужно. Вторую зиму личинка проводитъ въ такомъ же оцѣпенѣнніи, какъ и первую, и на третій годъ съ весны начинаетъ сильно расти и толстѣть. Отяжелѣвшая, вся бѣлая, съ красноватой головою, она держится большею частью согнутой полукругомъ. Когда ей нужно передвигаться, то ложится на спинку и ползетъ, какъ червякъ, болтая ножками въ воздухѣ.

Вся жизнь личинки проходитъ въ работѣ. Ея длинныя, тонкія, темныя ножки съ коготками и сильныя челюсти съ зубчиками не знаютъ покоя. Питается она корнями и

въ поискахъ за ними вырываетъ цѣлыя подземныя галлерей.

Личинка майскаго жука проводитъ подъ землей отъ 3—4 лѣтъ и за это время она успѣваетъ уничтожить всѣ корни въ окрестностяхъ своей родины. Особенно любятъ личинки корни земляники, салата, розы, бобовъ и разныхъ кустарниковъ. Случается, что личинки, когда ихъ много, истребляютъ цѣлыя сады, луга и поля.

На третій, а иногда даже и на четвертый годъ, личинка, нѣсколько разъ сбросивъ свою кожицу, насытившись и чувствуя себя достаточно сильной, принимается рыть послѣднюю ямку. Эту ямку она роетъ всего глубже, на $1\frac{1}{2}$ или даже на $1\frac{1}{2}$ аршина подъ землю, ложится въ нее, свертывается, сбрасываетъ въ послѣдній разъ шкурку и обращается въ куколку. А когда наступитъ осень, когда земля покроется снѣгомъ и все затихнетъ, все заснетъ, въ темной пещеркѣ случится послѣднее превращеніе. Изъ твердой кожицы куколки, точно изъ футляра, выберется блѣдное, мягкое созданіе съ примятыми крылышками. Выберется и здѣсь же замретъ. Это майскій жукъ родился. Слабый, весь съезженный, онъ такъ и пролежитъ безъ всякаго движенія до самаго февраля. Только въ февралѣ тѣло его настолько окрѣпнетъ, что онъ начинаетъ шевелиться. вмѣстѣ съ жизнью въ жукѣ пробуждается стремленіе выйти изъ земли и пробиться на свѣтъ. Для того, чтобы это сдѣлать, ему приходится много поработать. Упираясь задними ногами въ стѣнку ямы, онъ, прочищая себѣ путь, скребетъ головой, пока, наконецъ, не выберется наружу. Время, въ которое хрущ выбирается изъ своей пещерки, зависитъ отъ погоды. Чѣмъ теплѣе, тѣмъ раньше появляются майскіе жуки. На мѣстѣ, гдѣ они вылѣзли, остаются въ землѣ вылетные ходы.

Вылѣзши на Божій свѣтъ, жукъ сейчасъ же принимается летать и ѣсть.

Летаютъ жуки одиночками и кучками по четыре и болѣе штуки. Долго летать жукъ не можетъ и, полетавъ, садится на стебли растеній или прицѣпляется лапками съ коготками къ деревьямъ. Майскіе жуки любятъ солнце, и чѣмъ свѣтлѣе день, тѣмъ больше они летаютъ. Въ пасмурные дни они висятъ, подтянувъ ножки, на кустахъ и деревьяхъ. Особенно любятъ они плодовые и лиственные деревья. Если постучать по стволу, то они сваливаются.

Питаются майскіе жуки листьями деревьевъ и особенно любятъ листья вяза, тополей, дубовъ, березъ и фруктовыхъ деревьевъ. Въ годы, когда хрущей уродится особенно много, деревья послѣ нихъ иногда остаются обнаженными, какъ зимою, а фруктовыя деревья послѣ такихъ нашествій годъ или два не приносятъ плодовъ.

Существуетъ много разказовъ о нашествіи майскихъ жуковъ. Разказываютъ, что былъ годъ, когда въ Швейцаріи майскіе жуки останавливали дилижансы, залѣпляли глаза прохожимъ и въ концѣ концовъ вызвали голодъ, а въ Ирландіи они носились огромной тучей, заслонившей солнце, и крестьяне съ трудомъ прочищали дороги къ хижинамъ, до такой степени все было завалено жуками. Въ эту весну они истребили всю растительность. Челюсти ихъ производили шумъ, какъ во время пилки дровъ, а гудѣніе ихъ походило на отдаленную барабанную дробь. Случилось какъ-то въ Германіи, что они объѣли всю листву и безчинствовали тамъ до половины іюня.

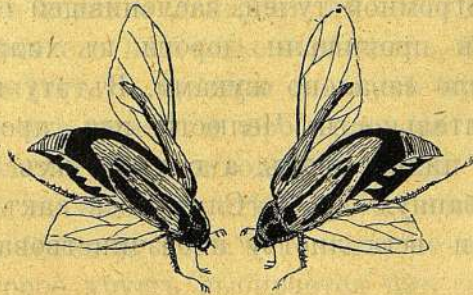
Много вреда приноситъ майскій жукъ, но личинка его еще вреднѣе. Жукъ и живетъ мало, всего какой-нибудь мѣсяцъ и уничтожаетъ только листву, а гусеница живетъ 3—4

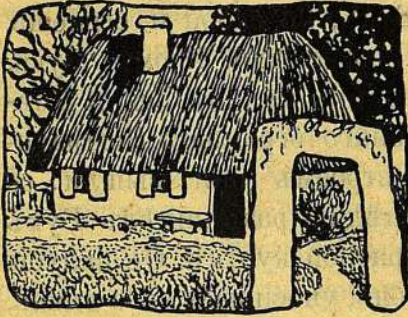
года и все время поѣдаетъ корни. Вотъ почему ее и стараются извести. Выгоняють на зараженное поле, послѣ распашки, индюковъ, или же вспахивають поле передъ морозами, чтобы заморозить личинокъ. Уничтожаютъ личинокъ также крысы, вороны, сороки. Но личинокъ много и всегда ихъ остается довольно, чтобы въ маѣ мѣсяцѣ загудѣли и зашлепали вылѣзшіе изъ-подъ земли майскіе жуки.

— Зумъ-зумъ-зумъ, — раздается и въ лугахъ, и въ лѣсахъ, и въ поляхъ. Это жукъ радуется, что попалъ изъ тюрьмы на волю. А только на землѣ ему долго не жить. Пройдетъ мѣсяцъ, и онъ опять въ землю уйдетъ. Цѣлыхъ два или три года его дѣти проведутъ червяками, чтобы потомъ стать крылатыми и свободными. Солнце и крылья, и все это сразу, послѣ долгаго заточенія, да еще послѣ того, какъ побывалъ червякомъ! Ужъ это всякій, не только жукъ, растеряется.

Вотъ почему онъ такой неловкій и такой смѣшной. Это онъ съ непривычки и съ большой, большой радости.

К. Соколовъ.

Голосъ природы.

(Продолженіе).

РИХОДИЛИ дни и проходили. На маленькомъ дворикѣ, обнесенномъ высокой стѣной, собакъ все прибывало. Иныхъ, какъ и Бука, привозили въ клѣткахъ, другихъ приводили за веревку; нѣкоторыя приходили охотно, другія сопротивлялись. Но человѣкъ въ красномъ отлично справлялся со всѣми, и въ концѣ концовъ всѣ собаки становились послушными.

Отъ времени до времени во дворѣ появлялись новые чужіе люди. Они долго и громко разговаривали съ человѣкомъ въ красной курткѣ, и послѣ такихъ разговоровъ обыкновенно раздавался звукъ денегъ, а вслѣдъ за этимъ уводили со двора какую-нибудь изъ собакъ. Букъ удивлялся, куда это ихъ уводятъ, и радовался, что его оставляютъ на мѣстѣ, потому что не ждалъ отъ будущаго ровно ничего хорошаго.

Но пришло и его время. Явился какой-то приземистый широколицый человѣкъ. Онъ говорилъ на почти непонятномъ языкѣ и употреблялъ такія выраженія, какихъ до сихъ поръ никогда еще не приходилось слышать Буку.

— Чортъ! Ну и чортъ!—вдругъ возбужденно закричалъ человѣкъ, когда глаза его остановились на Букѣ.—Вотъ это такъ собачинища! Ну, а что такая стоитъ?

— Триста и на чай,—отвѣтилъ человѣкъ въ красномъ.

— Вѣдь вы не изъ своихъ заплатите, Перолль, а потому нечего вамъ и торговаться.

Перолль засмѣялся. Цѣна на собакъ все поднималась, а такую, какъ Букъ, не скоро и сыщешь.

И деньги зазвенѣли. Кромѣ Бука, маленькій человекъ купилъ еще и Цоттеля, добродушнаго огромнаго Ньюфаундленда. Всѣ троимъ они вышли со двора. Въ послѣдній разъ видѣлъ Букъ человека въ красной курткѣ. Съ палубы большого корабля, уносившаго его вдаль, онъ смотрѣлъ на убѣгавшіе берега солнечнаго юга. Берега уходили все дальше и дальше. Букъ видѣлъ ихъ тоже въ послѣдній разъ.

А потомъ Перолль повелъ его и Цоттеля по лѣстницѣ внизъ, гдѣ собаками завладѣлъ какой-то черноволосый дѣтина.

Волосы канадца Перолля уже показались Буку изумительно черными, но голова мулата Франсуа оказалась вдвое чернѣе. Вообще всѣ новые чужіе люди были по виду очень сгранные люди. Когда Букъ познакомился съ ними поближе, особенной любви они въ немъ

не вызвали, но внушили ему къ себѣ самое искреннее уваженіе, такіе это были справедливые, спокойные и опредѣленные въ своихъ требованіяхъ люди. Съ ними каждой собакѣ вполне можно было жить, и жить очень недурно.

Кромѣ Цоттеля и Бука на пароходѣ были еще и другія

ПЕРРОЛЬ.

собаки. Былъ здѣсь огромный, бѣлый какъ снѣгъ, песъ изъ Шпицбергена.

Его завезли когда то китоловы. Онъ объѣздивъ весь сѣверъ до самаго полюса и даже принималъ участіе въ одной изъ геологическихъ экспедицій. Этотъ много испытавшій Шпицбергенецъ былъ очень опытный и отлично умѣлъ устраивать свои дѣла. Онъ всегда норовилъ стащить что-нибудь изъ порціи Бука. Хорошо, что Франсуа не зѣвалъ и во время останавливалъ его своимъ хлыстомъ. Букъ находилъ, что это справедливо и былъ благодаренъ Франсуа за его заступничество. Была среди собакъ и еще одна большая и очень угрюмая. Она ни съ кѣмъ не хотѣла знакомиться, лежала и спала цѣлыми днями.

День и ночь работала пароходная машина, дни шли за днями, одинаково однообразные, только воздухъ становился все холоднѣе и рѣзче. Это сталъ замѣчать и Букъ въ своемъ помѣщеніи подъ палубой.

Но вотъ пришло утро, когда машина затихла, всѣ винты остановились сразу, и необычное оживленіе началось на палубѣ.

За собаками пришелъ Франсуа и, связавъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ, повелъ на палубу, а оттуда на пристань. Едва только Букъ ступилъ на землю, какъ почувствовалъ, что его ноги уходятъ во что то бѣлое и очень мягкое. Никогда еще съ нимъ этого не случалось. Испуганный онъ даже отскочилъ назадъ и поднялъ голову вверхъ. Бѣлые невиданные кусочки валились съ неба и прямо на него. Ни уйти, ни скрыться отъ нихъ было рѣшительно некуда. Букъ высунулъ языкъ, чтобы познакомиться съ ними, какъ слѣдуетъ. На языкъ сразу стало очень холодно и сразу же это прошло. Букъ ничего не понималъ. Посмотрѣлъ на людей. Люди смѣялись. Букъ сконфу-

зился. Онъ испугался снѣга. Но откуда же ему было знать, что это снѣгъ?

ГЛАВА II.

Право сильнаго.

Первый день на берегу морского залива прошелъ для Бука, какъ тяжелый сонъ. Каждый часъ приносилъ съ собой какой-нибудь новый страхъ. Съ благоустроенной жизнью, съ жизнью довольства, какъ и съ солнцемъ, было покончено. Букъ очутился въ дикой странѣ, гдѣ каждую минуту, день и ночь, можно было опасаться за свою жизнь. Не было здѣсь ни законовъ, ни обычаевъ, признавалось только право сильнѣйшаго и то, чего можно было добиться дракой и зубами.

Такихъ собакъ, которыя теперь сновали возлѣ Вука, ему никогда еще не случалось видѣть. Собаки эти даже мало походили на собакъ, а больше на дикихъ звѣрей. И вели онѣ себя, какъ дикіе звѣри. Цоттель погибъ въ первый же день. Онъ подскочилъ къ одной изъ незнакомыхъ собакъ, чтобы просто поиграть съ ней, а та въ отвѣтъ, молча, даже безъ всякаго предостерегающаго рычанья, куснула его. Цоттель хотѣлъ мстить, но на подмогу обидчицѣ прибѣжали другія собаки. Лохматыя, угрюмыя, безъ всякаго лая, сбѣжались онѣ со всѣхъ сторонъ и молча, точно волки, усѣлись въ кругъ, а по срединѣ ихъ очутился Цоттель съ укусившей его собакой. Когда собакѣ оказалось не по силамъ одолѣть Цоттеля, всѣ остальные помогли ей. Франсуа съ дубиной явился на шумъ слишкомъ поздно. Онѣ растерзали Цоттеля, какъ волки. И такъ все это быстро произошло, что Букъ точно окаменѣлъ отъ неожиданности и ужаса передъ озвѣрѣвшей стаей.

— Такъ вотъ какъ ведутъ себя здѣсь собаки. Значить благородныхъ игръ онѣ не признаютъ, и тому, кто разъ упалъ, уже не даютъ подняться. Надо остерегаться, чтобы этого не случилось и со мной.—Такъ думалъ Букъ, а Шпицъ стоялъ себѣ въ сторонѣ и какой-то дьявольской радостью горѣли его глаза. Букъ взглянулъ на Шпица и въ ту же минуту возненавидѣлъ его. Шпицъ приобрѣлъ себѣ смертельнаго врага.

Едва Букъ успѣлъ придти въ себя отъ пережитаго ужаса, какъ явился новый ужасъ. Пришелъ Франсуа съ ремешками и веревками, которыя обыкновенно бываютъ только на лошадяхъ, надѣлъ всю эту упряжь на Бука и прирегъ его вмѣстѣ съ другими собаками къ санямъ. Букъ ужасно перепугался и возмутился тѣмъ, что изъ него едѣлали что-то вроде рабочей лошади, но умъ подсказалъ ему, что всякая борьба бесполезна: Франсуа былъ строгъ и требовалъ безусловнаго послушанія. За новую, непривычную работу Букъ принялся изо всѣхъ силъ. Дашъ, который шелъ за нимъ, кусалъ его за каждую ошибку своими острыми зубами, а Шпицъ, старый и опытный вожакъ, бѣжавшій впереди всѣхъ, при каждой малѣйшей остановкѣ рычалъ самымъ угрожающимъ образомъ.

Букъ оказался способнымъ ученикомъ и къ концу своей первой поѣздки уже понялъ, что надо останавливаться, когда Франсуа кричалъ „тпру“, и бѣжать, когда онъ кричалъ „ну!“ и во всѣхъ случаяхъ остерегаться тяжелыхъ полозьевъ.

— Три добрыхъ пса, — рассказывалъ потомъ другимъ Франсуа, — собаки первый сортъ. А Букъ тащить, что твой чертъ.

Послѣ обѣда Перроль, очень торопившійся съ отъездомъ, досталъ откуда-то еще двухъ собакъ. Ихъ звали Билль и Джессъ, онѣ были родными братьями и настоящими эскимосскими собаками. Однако, не смотря на то, что они были дѣти

одной матери, сходства между ними было такъ же мало, какъ между ночью и днемъ. Билль былъ веселое и добродушное существо, а Джессъ угрюмая и замкнутая въ себѣ собака, съ злыми глазами. Букъ ласково привѣтствовалъ ихъ, какъ новыхъ товарищей, Дашъ не обратилъ на вновь прибывшихъ никакого вниманія, а Шпицъ сейчасъ же куснулъ и того и другого, чтобы сразу внушить къ себѣ должное уваженіе. Миротлюбивый Билль при первой встрѣчѣ съ незнакомыми собаками, привѣтливо завилалъ своимъ длиннымъ хвостомъ, но когда Шпицъ укусилъ его въ бокъ, онъ съ громкимъ воемъ отскочилъ назадъ. Съ Джессомъ было не такъ то легко справиться даже и Шпицу. Какъ только онъ подошелъ къ нему, вся шерсть Джесса стала дыбомъ, уши поднялись, глаза заблестѣли, и онъ зарычалъ такъ, что Шпицъ рѣшилъ оставить его въ покоѣ. Чтобы выйти съ честью изъ затруднительнаго положенія, онъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ прежде всего расправиться окончательно съ Биллемъ. Тотъ ни въ чемъ неповинный съ жалобнымъ воемъ пустился удирать, и Шпицъ преслѣдовалъ его до самой палатки.

Къ вечеру досталъ Перроль и еще одну собаку, старую, тощую и кривую. Звали ее Золлекъ, что на мѣстномъ нарѣчій означало „брюзга“. Это названіе вполне къ ней подходило. Букъ хотѣлъ съ ней познакомиться, но подошелъ не съ той стороны, такъ какъ не зналъ, что она не выносила, когда къ ней приближались со стороны кривого глаза. Золлекъ для перваго знакомства здорово куснулъ Бука въ самое плечо. Букъ рѣшилъ остерегаться новаго знакомаго, оказавшагося однако въ послѣдствіи даже очень не дурнымъ товарищемъ. Золлекъ только любилъ больше всего на свѣтѣ, чтобы его не безкокоили, но онъ обладалъ многими очень цѣнными качествами, въ чемъ скоро убѣдились всѣ собаки.

Въ эту ночь Буку пришлось въ первый разъ ночевать подь открытымъ небомъ. Освѣщенная палатка выдѣлялась такъ уютно среди снѣжной равнины, что Букъ сдѣлалъ попытку забраться къ людямъ, но былъ позорно выгнанъ Перролемъ и Франсуа. Было вѣтренно и страшно холодно. Букъ не зналъ, что дѣлать. Попробовалъ было прилечь на снѣгъ и заснуть, но сталъ замерзать. Дрожа отъ стужи, утомленный и угнетенный, подошелъ онъ опять къ палаткѣ, но войти не рѣшился. Какія-то чужія собаки хотѣли на него броситься, но онъ такъ ошетинился и такъ зарычалъ, что онѣ оставили его въ покоѣ.

Наконецъ ему пришло въ голову взглянуть, какъ устроились на ночь его товарищи. Онъ нигдѣ ихъ не видѣлъ. Въ палаткѣ онѣ не могли быть, иначе и ему позволили бы тамъ остаться. Безпокойно бродилъ онъ взадъ и впередъ и наконецъ почти изнемогъ. Вдругъ снѣгъ подался подь его ногами, и вблизи его зашевелилось что-то темное. Съ ворчаніемъ ошетинился Букъ и приготовился къ бою, но въ отвѣтъ ему послышался дружелюбный голосъ, и онъ съ любопытствомъ подошелъ поближе. Теплое дыханіе коснулось его носа, и темное существо, лежавшее зарытымъ въ снѣгу, оказалось Биллемъ, который ласково облизалъ всю морду Бука своимъ мокрымъ горячимъ языкомъ.

Букъ узналъ то, чего раньше и не подозревалъ. Вотъ какъ спятъ здѣсь собаки! Быстро принялся онъ за работу, выкопалъ глубокую яму, залѣзъ въ нее, свернулся калачемъ, и когда теплота его тѣла согрѣла тѣсное помѣщеніе, крѣпко заснулъ. Но сонъ его не былъ покоенъ, цѣлую ночь онъ лаялъ и рычалъ, потому что видѣлъ во снѣ все, что пережилъ за послѣдніе дни.

Такъ проспалъ онъ до самаго утра. Проснулся, когда

было уже совсѣмъ свѣтло, и всѣ уже встали. Сразу онъ даже не понималъ, гдѣ онъ, и ужасъ охватилъ его при мысли, что онъ попался въ какую-то ловушку. Ни онъ самъ, ни его ближайшіе предки никогда не бывали въ капканахъ, и то, что онъ почувствовалъ въ первую минуту со сна, было можетъ быть воспоминаніемъ о томъ времени, когда его отдаленные предки были совсѣмъ дикими. Тогда, быть можетъ, они, какъ и всѣ дикія животныя, были знакомы съ капканами. Съ точностью нельзя утверждать, чего именно испугался Букъ, но испугался онъ такъ сильно, что вся шерсть его стала дыбомъ, мускулы напряглись, и съ дикимъ рычаніемъ бросился онъ изъ ямы. Былъ свѣтлый день, кругомъ лежалъ снѣгъ. Прежде, чѣмъ стать на ноги, онъ уже понималъ, гдѣ онъ. И какъ молнія пронеслось въ его памяти все имъ пережитое съ той самой минуты, какъ онъ шелъ полемъ съ Мануэлемъ, до той ночи, когда онъ рылъ себѣ яму въ снѣгу.

Голосъ Франсуа привелъ его въ себя. Онъ бросился на его зовъ.

— А пожалуй, эта собака скорѣй всѣхъ научится, — сказала Франсуа Перролю, а тотъ въ отвѣтъ на это только съ довольнымъ видомъ кивнулъ головой. Перроль состоялъ на службѣ у канадскаго управленія, и на его обязанности лежало исполнять самыя важныя и спѣшныя порученія. Вотъ почему онъ старался набрать себѣ на службу какъ можно больше хорошихъ собакъ, и среди нихъ онъ больше всего надежды возлагалъ на Бука.

Появились и еще три новыхъ собаки. Теперь въ упряжи было вмѣстѣ съ Букомъ цѣлыхъ девять собакъ, и черезъ часъ всѣ тронулись въ путь. Букъ радъ былъ выбраться изъ гавани, и хотя работа казалась ему трудной, онъ исполнялъ ее безъ всякаго сопротивленія и даже охотно. Возбужденіе,

охватившее вдругъ всѣхъ запряженныхъ собакъ, передалось и ему. Его удивляла перемѣна въ Дашѣ и Золлекѣ. Они стали совсѣмъ другими подъ упряжь. Ихъ сонливость и неповоротливость исчезли какъ-то сразу, бодро и весело взялись они за работу, сосредоточивъ все свое вниманіе на томъ, чтобы избѣжать всего, что могло задержать ѣзду. Ёзда подъ упряжь съ санями была для нихъ наслажденіемъ. Вся жизнь ихъ была въ этой работѣ, и ничто больше ихъ не интересовало. Дашъ бѣжалъ сейчасъ же у саней, за нимъ шелъ Букъ, а впереди Бука Золлекъ и другія собаки цугомъ одна за другой. Вожаконъ былъ Шпиць.

Бука помѣстили между Дашемъ и Золлекомъ, чтобы онъ у нихъ поучился, какъ надо бѣжать. Они были опытными, знавшими свое дѣло учителями, а Букъ оказался понятливымъ ученикомъ. За цѣлый путь учителямъ пришлось кунуть его всего нѣсколько разъ, да и то слегка. Франсуа всего разъ ударилъ его хлыстомъ. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не приходилось думать объ отплатѣ за обиду, потому что надо было бѣжать и бѣжать. Во время одной изъ случайныхъ остановокъ, Букъ запуталъ постромки и за это получилъ должную взбучку отъ обоихъ учителей. Постромки отъ этого запутались еще больше, но Букъ разъ и навсегда понялъ, что постромки должны быть всегда хорошо натянуты. За цѣлый день онъ больше не подалъ ни малѣйшаго повода къ какому бы то ни было взысканію ни со стороны учителей, ни со стороны Франсуа. А вечеромъ, когда Перроль осматривалъ послѣ ѣзды ноги собакъ, онъ дружески и одобрительно похлопалъ Бука по широкой и мохнатой спинѣ.

Это было длинное путешествіе. Надо было ѣхать по каменной дорогѣ, покрытой рыхлымъ снѣгомъ. Путь шелъ къ стоянкѣ у озера, гдѣ золотоискатели остались зимовать съ

своими лодками въ ожиданіи, пока весеннее солнце растопитъ толстый ледяной покровъ. Во второй разъ вырылъ Букъ себѣ яму для ночевки въ снѣгу и крѣпко заснулъ.

На другой день удалось сдѣлать около 40 миль, но на слѣдующіе дни ѣзда замедлилась. Часто приходилось Перролю идти впередъ на огромныхъ и широкихъ лыжахъ, чтобы слегка притоптать черезчуръ рыхлый снѣгъ и облегчить работу собакъ. Франсуа же въ это время направлялъ куда нужно сани.

Каждый день, какъ только свѣтало, Букъ уже становился подъ упряжь. Къ ночи раскидывалась палатка, варили кушанье и отдыхали. Это время Буку приходилось жить впроголодь. Давали ему ежедневно по полтора фунта сушеной рыбы. Другимъ собакамъ давали только по фунту. Но Букъ былъ самый большой, да и голодать привыкъ меньше другихъ. Ему было тяжелѣе всѣхъ. Онъ видѣлъ, что собаки кругомъ постоянно крали что-нибудь съѣстное, видѣлъ онъ, какъ одна изъ собакъ выбѣжала изъ палатки съ кускомъ сала. Онъ попробовалъ сдѣлать, какъ всѣ, и стащилъ тоже кусокъ сала. Всѣ были взволнованы пропажей, но Бука никто не заподозрилъ, и онъ преспокойно съѣлъ скраденное. Гордость его пропала. Жилъ онъ теперь не такъ, какъ хотѣлъ, а какъ могъ. Мускулы его за это время еще окрѣпли, стали точно желѣзные. Боли онъ почти не чувствовалъ. Ъсть могъ все, что угодно. Слухъ и зрѣніе у него обострились. Теперь, даже во снѣ, онъ понималъ всѣ звуки. Научился онъ очищать снѣгъ, попадавшій во время ѣзды между пальцевъ, научился передней лапой разбивать корочку льда на питьевой водѣ, но самымъ полезнымъ изъ всѣхъ пріобрѣтенныхъ за послѣднее время знаній, было умѣнье различать, откуда будетъ дуть вѣтеръ. Это было очень важно для выбора ночлега. Иногда

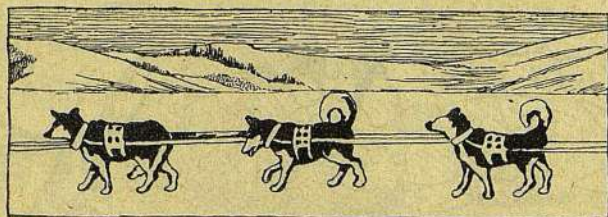

съ вечера бывало совсѣмъ тихо, вѣтеръ поднимался позднѣе. Надо было вырыть яму такъ, чтобы вѣтеръ не попадалъ въ нее.

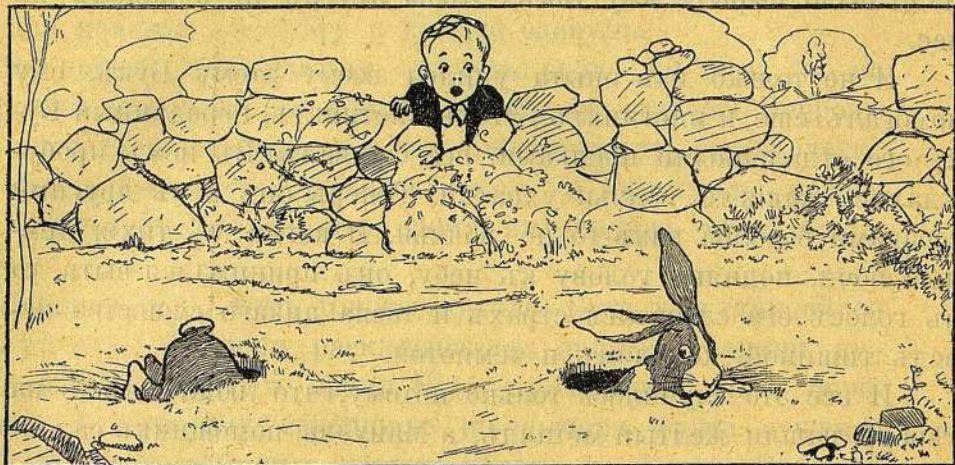
И не только изъ опыта учился всему этому Букъ, ему помогалъ еще и инстинктъ. Этотъ инстинктъ, переданный Буку его отдаленными предками, все оживалъ. Въ немъ пробуждались какія-то волчьи ухватки. Теперь онъ и съ другими собаками боролся какъ-то по волчьи. И когда въ тихія темныя ночи, поднявъ голову къ небу, онъ принимался выть, то въ голосѣ его слышался страхъ и тоска дикаго существа передъ тишиной, холодомъ и темнотой.

И все это случилось только потому, что люди гдѣ-то на сѣверѣ нашли желтый металлъ, а Мануэль, помощникъ садовника, любилъ играть въ карты, и ему не хватало на это жалованья.

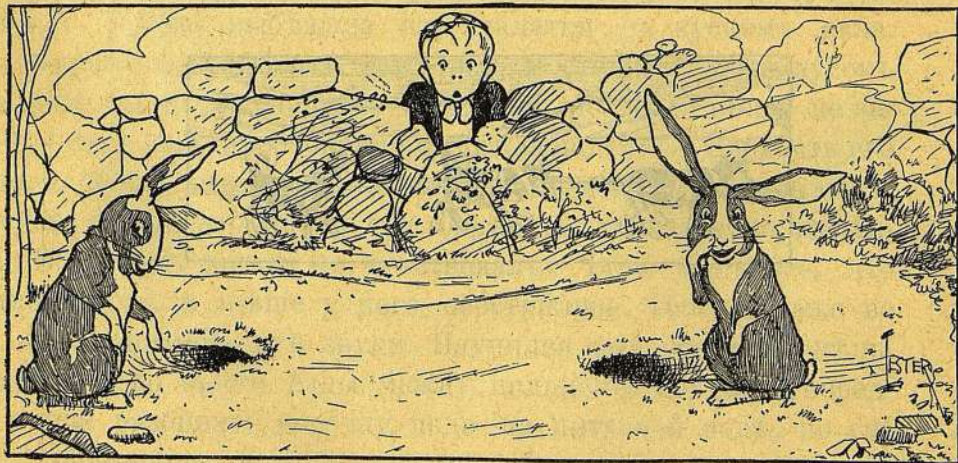
(Продолженіе слѣдуетъ).

Чудесный заяц.

Вот так заяц небывалый,
Это чудо из чудес!
И какой я умный малый,
Что взглянуть на камни влезь.

Ай! Да что-жъ это такое?
Разорвался пополамъ!
Былъ одинъ, а стало двое...
Вотъ, не вѣрте чудесамъ!

Отъ конторы редакціи.

1. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятая рукопись, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копѣчную марку для отвѣта.

3. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

4. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

5. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., и 3-ій р., къ 1-му Мая.

6. Желающие получить рукопись обратно должны присылать почтовые марки для отсылки рукописи заказной бандеролью. Простой бандеролью или на свой счетъ редакція рукописей не отсылаетъ.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по субботамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ

Открыта подписка на 1908 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

III-й г.
издав.

ТРОПИНКА

III-й г.
издав.

Журналъ выходитъ **1** и **15** каждаго мѣсяца въ **2—3** печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарады и загадки.

Въ литературномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе:

Аллего, К. Вальмонтъ, А. Бахтиаровъ, М. С. Безобразова, А. Блокъ, Андрей Вѣлль, Л. Вѣльскій, О. Вѣльева, Л. Васильевскій, З. Венгерова, пр.-доп. А. Генкель, И. Гинцбургъ, З. Гиппиусъ, С. Городецкій, Ф. Домбровский, О. Дымовъ, Е. Елеонская, К. Ельцова, Вячеславъ Ивановъ, Е. Ивановъ, А. Коваленская, И. Кондурушкинъ, проф. Котляревскій, А. Кузринъ, Кл. Лукашевичъ, Д. Маминъ-Сибирякъ, Н. Манасина, Д. Мережковский, В. Мировичъ, Н. Михайловъ, Ю. Насвѣтова, Л. Нелидова, Н. Новичъ, Гр. Петровъ, Э. Пименова, Д. Потъкинъ, В. Поливановъ, А. Ремизовъ, проф. М. Ростовцевъ, Ф. Сологубъ, С. Соловьевъ, В. Успенскій, Е. Шведеръ, К. Чуковский, О. Чюмина, О. Химона, Е. Юнге и мн. друг.

Въ художественномъ отдѣлѣ участвуютъ.

И. Вилибинъ, Т. Гиппиусъ, С. Городецкій, В. Замирало, Е. Кавошь-Зарудная, Е. Кругликова, А. Линдеманъ, А. Мурашко, М. Нестеровъ, П. Соловьева (Аллего), М. Сабашникова, Е. Чичагова, Е. Юнге и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой и пересылк. 3 руб.,
на полгода 2 руб., за границу 5 руб.

 Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва, при конторѣ Печковской, Петровскія линіи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, площадь Маринскаго театра, № 6.

Редакторы-Издатели *Л. Соловьева и Н. Манасина.*